

ИМПЕРИЯ ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

ЕЛЕНА ПАВЛОВА

Елена Павлова

**ИМПЕРИЯ ПОД
ЧУЖИМ ИМЕНЕМ**

«Автор»

2026

Павлова Е.

**ИМПЕРИЯ ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ / Е. Павлова — «Автор»,
2026**

Лидия Арсеньева — дочь бывшего советского посла. В семнадцать лет она была вынуждена покинуть Россию, начать новую жизнь в Праге и построить собственную логистическую компанию. Спустя почти десять лет загадочное письмо заставляет её вернуться в Москву. На границе Лидия узнаёт невозможное: по официальным документам она умерла ещё шесть лет назад. Её отец недавно похоронен, наследство перешло чужим людям, а успешный европейский бизнес оказался связан с криминальной империей, созданной на украденные деньги. Чтобы вернуть своё имя, Лидии предстоит раскрыть тайну гибели матери, разобраться в поддельных договорах и понять, кому можно доверять. Но чем ближе она подбирается к правде, тем очевиднее становится: главный обман скрывается внутри её собственной семьи. «Империя под чужим именем» — напряжённый криминально-психологический роман о России 1990-х и 2000-х, эмиграции, большом бизнесе, опасном наследстве, семейных тайнах и сильной женщине, которая отказывается жить по чужому сценарию.

© Павлова Е., 2026

© Автор, 2026

Елена Павлова

ИМПЕРИЯ ПОД ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

ОТ АВТОРА

Все персонажи, организации, события и обстоятельства этого произведения вымышлены. Любые совпадения с реальными людьми, компаниями и событиями случайны.

Текст является оригинальным художественным произведением.

Пролог. Ночь без адреса

Москва, декабрь 1994 года

Когда в дверь позвонили третий раз, Виктор Арсеньев понял: на этот раз пришли не разговаривать.

В квартире было тихо. За окном медленно падал снег, и старый дом на набережной казался отрезанным от города белой стеной. На кухне остывал чай. В гостиной работал телевизор без звука: люди в строгих костюмах спорили о будущем страны, которой никто уже не умел управлять.

Виктор стоял у письменного стола и смотрел на фотографию дочери. Лиде было семнадцать. На снимке, сделанном тремя годами раньше у дворца Бельведер, она щурилась от венского солнца, придерживая рукой светлую шляпу. Тогда Виктор Арсеньев ещё был советским послом в Австрии, а слово «эмиграция» звучало почти как предательство.

Теперь ни бывшая должность, ни прежние связи не защищали даже от звонка в собственную дверь.

— Виктор Сергеевич, — произнёс мужчина с лестничной площадки. Голос был спокойным, почти учтивым. — Мы знаем, что вы дома. Не заставляйте людей нервничать.

Арсеньев открыл нижний ящик стола. В нём лежали синий заграничный паспорт, билет Москва — Прага на имя Лидии Волковой и тонкая чёрная тетрадь, перевязанная серой лентой. Паспорт он положил в карман пиджака. Тетрадь вынул, на секунду задержал в руке и спрятал за съёмной деревянной панелью книжного шкафа.

Звонок раздался снова.

Лида вышла из коридора босиком, в длинной футболке, с растрёпанными волосами.

— Папа, кто там?

— Соседи ошиблись дверью.

Она посмотрела на него так, как смотрят дети, уже научившиеся распознавать взрослую ложь, но ещё не решившие, стоит ли её разоблачать.

— Соседи знают, где живут.

Виктор подошёл к дочери и положил ладони ей на плечи.

— Сейчас ты оденешься. Возьмёшь только маленькую сумку. Внизу тебя ждёт Лев Михайлович.

— Куда мы едем?

— Ты — в аэропорт.

— А ты?

Он не ответил.

За дверью коротко ударили чем-то металлическим. Замок выдержал, но звук получился такой, будто в квартире выстрелили.

Лида вздрогнула.

— Папа...

— Посмотри на меня.

Она подняла глаза.

— Что бы тебе ни сказали обо мне потом, помни одно: я никогда не торговал тобой. Всем остальным, может быть. Тобой — никогда.

— Я ничего не понимаю.

— И хорошо. Значит, у тебя ещё есть время жить нормально.

Он достал из кармана паспорт и протянул ей.

— Волкова? — прочитала она. — Почему здесь мамина фамилия?

— С сегодняшнего дня она твоя.

— Но я Арсеньева.

— Никому этого не говори.

Второй удар пришёлся в область замка. Посыпалась штукатурка.

Виктор быстро провёл дочь через кухню на чёрную лестницу. Там пахло холодным камнем, кошками и чужим табаком. Внизу, у служебного выхода, действительно ждал Лев — бывший водитель посольства, единственный человек, которому Виктор ещё доверял.

— Билет и адрес у тебя в паспорте, — сказал Арсеньев. — В Праге встретит Софья Марек. Делай всё, что она скажет.

— Я не поеду без тебя.

— Поедешь.

— Нет.

Виктор впервые в жизни ударил дочь по лицу.

Не сильно. Но достаточно, чтобы она замолчала.

Его ладонь тут же опустилась. В глазах появилось то, чего Лида прежде не видела: не злость, не стыд — страх человека, который опоздал исправить собственную ошибку.

— Ненавидь меня, если это поможет тебе сесть в машину, — сказал он. — Только садись.

Лев взял её за локоть. Дверь закрылась между отцом и дочерью, оставив Виктора в жёлтом свете подъезда.

Через несколько секунд наверху с грохотом рухнул замок.

Лида рванулась назад, но Лев удержал её.

— Мы должны ехать.

— Они его убьют!

— Если останемся — тогда точно.

Машина выехала на набережную. Снег заметал следы почти сразу.

Лида смотрела назад, пока дом не исчез за поворотом. Она ещё не знала, что не увидит отца почти десять лет. Не знала, что через четыре года её объявят умершей. И уж точно не могла представить, что однажды вернётся в Россию за правдой — и обнаружит: её имя, её наследство и даже её прошлое давно принадлежат другим.

Часть первая. Возвращение мёртвой

Глава 1. Пассажир, которого нет

Москва встретила Лидию ярким апрельским светом и человеком в форме, который попросил её не делать резких движений.

Она стояла у стойки паспортного контроля в Шереметьеве, слышала гул прилетевшего из Вены самолёта за спиной и никак не могла понять, какую ошибку совершила. Паспорт был настоящим. Виза не требовалась. В декларации она указала всё до последнего евро. Даже старинные часы отца, лежавшие в ручной клади, были внесены отдельной строкой.

Пограничник ещё раз посмотрел на экран, потом на неё.

— Полное имя?

— Лидия Викторовна Волкова.

— Ранее носили другую фамилию?

Лида помедлила.

— Арсеньева. До девяносто пятого года.

Мужчина нажал кнопку под столом.

— Пройдёмте.

— По какой причине?

— В отдельном помещении объяснят.

Её чемодан не выдали. Телефон попросили выключить. В комнате без окон стояли металлический стол, три стула и искусственный фикус с запывшими листьями. Лида села, положила ладони на колени и заставила себя дышать ровно.

Почти десять лет назад она уезжала отсюда девочкой, которая плакала в туалете аэропорта, чтобы не видел Лев. Возвращалась почти двадцатисемилетней женщиной, владелицей европейской логистической компании «Вела Транзит», привыкшей решать проблемы раньше, чем они успевали получить название.

Но у этой проблемы название уже было.

В комнату вошёл мужчина в сером костюме. Не представившись, положил перед ней распечатанный лист.

— Вы утверждаете, что вы Лидия Викторовна Арсеньева?

— Я утверждаю, что родилась под этим именем.

— Дата рождения?

— Двадцать шестое мая тысяча девятьсот семьдесят седьмого года.

— Место рождения?

— Москва.

— Родители?

— Виктор Сергеевич Арсеньев и Марина Андреевна Волкова.

Мужчина развернул лист к ней.

— Тогда у нас возникает затруднение.

Лида увидела ксерокопию свидетельства о смерти. Имя, отчество, дата рождения — всё совпадало. В графе «дата смерти» стояло 14 ноября 1998 года. Место смерти — Санкт-Петербург. Причина — несчастный случай.

Несколько секунд она просто смотрела на бумагу.

— Это нелепость.

— Возможно.

— Я сижу перед вами.

— Именно поэтому вы здесь.

— Кто выдал свидетельство?

— Это предстоит выяснить.

Он говорил без угрозы, и от этого становилось страшнее. Лида подумала о письме, пришедшем месяц назад на адрес пражского офиса. В конверте лежал только старый ключ от квартиры отца и записка, напечатанная на старой машинке: «Если хочешь узнать, почему отец молчит, приезжай одна. После двадцатого апреля будет поздно».

Подписи не было. На штампе — Москва.

Она прилетела двадцать первого.

— Я могу позвонить адвокату? — спросила Лида.

— Можете. Но сначала ответьте: когда вы последний раз общались с Виктором Сергеевичем?

— В декабре девяносто четвёртого.

Мужчина впервые изменился в лице.

— Десять лет назад?

— Да.

— И всё это время не знали, где он?

— Получала открытки. Без обратного адреса. Раз в год, на день рождения.

— В прошлом году получили?

— Нет.

Он закрыл папку.

— Виктор Арсеньев официально скончался три недели назад.

Воздух в комнате стал тяжёлым.

Лида не заплакала. Она давно научилась принимать удар стоя, потому что сидя он почему-то казался сильнее.

— Где?

— В загородном доме под Звенигородом. Сердечная недостаточность.

— Кто опознал тело?

— Его деловой партнёр. Олег Андреевич Крестов.

Имя ничего ей не сказало, но мужчина внимательно следил за её реакцией.

— А теперь, — продолжил он, — главный вопрос. Зачем вы вернулись именно сегодня?

Лида посмотрела на свидетельство о собственной смерти.

— Похоже, чтобы выяснить, кто из нас умер на самом деле.

Её отпустили через три часа. Паспорт вернули, попросили оставаться на связи и предупредить, если она соберётся покинуть страну. Формального запрета не было. Чемодан появился на ленте среди багажа уже другого рейса. Телефон включился и сразу показал семь пропущенных звонков из Праги.

Первой она набрала Софью Марек — женщину, которая когда-то встретила её в аэропорту, дала комнату над своей маленькой экспедиторской конторой и научила отличать договор от ловушки.

— Ты прилетела? — спросила Софья вместо приветствия.

— Да.

— Немедленно возвращайся.

— Меня признали умершей.

В трубке стало тихо.

— Софья?

— Я здесь.

— Ты знала?

— Лида, послушай. Не езжай в квартиру отца. Не встречайся ни с кем, кто назовёт фамилию Крестов. И особенно — не входи в квартиру одна.

— Откуда ты знаешь про ключ?

Софья отключилась.

В этот момент к Лиде подошёл мужчина с табличкой «L. ARSENYEVA». Ему было около сорока. Тёмное пальто, усталое лицо, небольшой шрам у правой брови.

— Лидия Викторовна?

— Кто вы?

— Максим Воронов. Ваш отец попросил встретить вас.

— Мой отец умер три недели назад.

— Знаю.

— Тогда как он мог знать, каким рейсом я прилечу?

Мужчина опустил табличку.

— Вот с этого, пожалуй, и начинается плохая часть истории.

Глава 2. Дом с закрытыми шторами

Лида не села в машину Воронова.

Он принял отказ спокойно, будто ожидал именно этого.

— Тогда возьмите такси. Я поеду следом.

— Не поедете.

— Поеду.

— Это преследование.

— Это попытка выполнить обещание человеку, которого уже нельзя переспросить.

Она посмотрела на него внимательнее. Не охранник — слишком независимо держался. Не чиновник — костюм хороший, но ворот рубашки расстёгнут. На левом запястье заметен след от ремешка часов, самих часов нет. Человек, который недавно отдал что-то ценное или потерял.

— Кем вы работали у моего отца?

— Я у него не работал.

— Тогда кем?

— Когда-то задавал ему вопросы. Потом он начал задавать вопросы мне.

— Очень содержательно.

— Я был следователем прокуратуры.

— А теперь?

— Теперь стараюсь не произносить это вслух при людях, которые могут проверить.

Лида вызвала такси. Воронов действительно поехал следом на тёмно-синей «Волге».

Москва за окном казалась знакомой только отдельными движениями: троллейбус входил в поворот, женщина прижимала к груди пакет с батоном, дворник в оранжевой жилетке лениво сгребал с края дороги серый снег. Всё остальное изменилось. Вместо гастронома, где мать покупала пирожные, сиял банк. На крыше бывшего кинотеатра вращалась реклама мобильной связи. Город научился продавать всё, включая воспоминания.

Дом на набережной стоял на месте.

Ключ подошёл. В квартире пахло закрытыми окнами, полиролью и чужими сигаретами. На полу прихожей лежала тонкая полоска пыли, разрезанная следами мужских ботинок.

Лида замерла.

— Здесь кто-то был, — сказал Воронов за спиной.

Она резко обернулась.

— Я не приглашала вас войти.

— Дверь была открыта.

— Потому что я её открыла.

— Тогда считайте, что я воспользовался историческим моментом.

Гостиная выглядела почти так же, как в ночь отъезда. Тот же книжный шкаф, зелёное кресло, бронзовая лампа с тяжёлым абажуром. Только фотографии исчезли. На стенах остались светлые прямоугольники.

В кабинете всё было перевёрнуто. Ящики выдвинуты, книги разбросаны, ковёр отогнут. Кто-то искал тщательно, не торопясь и не боясь, что его застанут.

Лида подошла к шкафу. Пальцы сами нашли деревянную панель, за которой отец прятал чёрную тетрадь.

Пусто.

— Что там было? — спросил Воронов.

— Не знаю.

— Вы полезли прямо туда.

— В детстве прятала конфеты.

— И кто-то очень хотел найти ваши детские конфеты.

Лида закрыла тайник.

На столе стояла шахматная доска. Белый король лежал на боку. Чёрная ладья была сдвинута на край стола, под ней виднелся уголок бумаги.

Лида подняла фигуру.

Квитанция камеры хранения на Белорусском вокзале. Срок хранения истекал на следующий день.

Воронов протянул руку.

— Покажите.

Она сложила бумагу пополам и убрала в карман.

— Детская конфета.

Он усмехнулся, но спорить не стал.

В спальне отца кровать была аккуратно застелена. В шкафу висели костюмы. На тумбочке лежала книга с закладкой на сто двадцать седьмой странице. Человек, собиравшийся умереть, редко оставляет раскрытую жизнь в таком порядке.

В ящике Лида нашла упаковку таблеток. Дата выпуска — январь 2004-го. Значит, отец жил здесь недавно, хотя официально последние годы проводил в загородном доме.

— Вы видели тело? — спросила она.

— Нет.

— Были на похоронах?

— Был.

— Закрытый гроб?

— Да.

— Удобно.

— Для кого?

— Для человека, который не умер.

Воронов не ответил. Подошёл к окну, чуть отодвинул штору и сразу вернул её на место.

— У нас гости.

Во дворе стоял чёрный внедорожник. Двое мужчин смотрели на окна.

— Ваши?

— Если бы мои, я бы не беспокоился.

В этот момент в замке повернулся ключ.

Воронов жестом приказал Лиде отойти. Из внутреннего кармана он вынул не пистолет, как она ожидала, а складной металлический фонарь.

Дверь открылась. В прихожую вошёл пожилой мужчина в потёртой кожаной куртке. Увидев Лиду, он выронил связку ключей.

— Господи... Лидочка.

Она узнала голос раньше лица.

— Лев Михайлович?

Бывший водитель постарел сильнее, чем позволяли прошедшие годы. Волосы побелели, левая рука дрожала. Но глаза остались прежними — добрыми и виноватыми.

Он шагнул к ней, потом остановился.

— Я думал, ты не приедешь.

— Это вы прислали ключ?

Лев покачал головой.

— Тогда кто?

Он посмотрел на Воронова.

— Вы привели хвост?

— Хвост уже был в аэропорту.

— Надо уходить. Сейчас.

— Сначала вы скажете, что произошло с моим отцом.

Лев поднял с пола ключи. Его пальцы дрожали так сильно, что металл звенел.

— Твой отец сделал одну страшную вещь, чтобы спасти тебя. А потом десять лет пытался сделать вид, что ничего не было.

— Какую вещь?

Снизу хлопнула дверь подъезда. Послышались шаги.

Лев побледнел.

— Он продал им твою смерть.

Глава 3. Камера хранения

Они вышли через чёрную лестницу — тем же путём, которым Лида покинула квартиру в девяносто четвёртом. Только теперь она не позволила никому взять себя за локоть.

Во дворе Воронов посадил Льва в «Волгу», а Лиде бросил ключи от своей машины.

— Вы за рулём?

— Разумеется.

— Тогда езжайте. Белорусский вокзал. Я отвлеку тех двоих.

— На чём?

— Исторический момент закончился. Дальше импровизация.

Он направился к внедорожнику, будто собирался спросить дорогу. Лида завела «Волгу». Лев сел рядом, прижимая к груди старую кожаную сумку.

— Он всегда такой? — спросила она.

— Максим? Когда страшно — ещё хуже.

— Вы давно знакомы?

— С его отцом был знаком. Хороший человек. Из тех, кого девяностые не смогли купить, поэтому просто сломали.

Лида выехала со двора. В зеркало увидела, как Воронов что-то оживлённо объясняет мужчинам у внедорожника. Один схватил его за плечо. Максим ударил фонарём по капоту, сработала сигнализация, двор наполнился звуком. Этого хватило.

— Что значит «отец продал мою смерть»?

Лев смотрел прямо перед собой.

— В девяносто восьмом на твоё имя оформили несколько компаний. Потом одну из них признали банкротом. Перед банкротством она взяла кредиты и получила доли в предприятиях, которые принадлежали твоему отцу.

— Я ничего не подписывала.

— Подписывали за тебя.

— Кто?

— Люди Крестова. Но без Виктора Сергеевича у них бы не получилось.

— Почему отец согласился?

Лев сжал ручку сумки.

— Они нашли тебя в Праге.

Лида сбавила скорость.

— Что значит — нашли?

— Знали адрес. Знали, в каком кафе ты работаешь по вечерам. Даже фотографию прислали: ты выходишь через заднюю дверь, в руках коробка с накладными.

Она вспомнила осень девяносто восьмого. В те месяцы Софья неожиданно отправила её на полгода в Брюссель — якобы открывать новый маршрут. Позже сказала, что это было испытание. Значит, не испытание.

— Отец согласился объявить меня мёртвой, чтобы они перестали искать?

— Да. На бумаге не стало наследницы. Твои будущие претензии исчезли. Крестов получил контроль над российскими активами. В обмен они обещали не трогать тебя.

— А отец?

— Остался председателем. Красивое имя на красивой двери. Решения принимали другие.

— Почему он не рассказал мне?

— Стыдился.

— Нет. — Лида крепче сжала руль. — Стыд — это когда не смотришь в глаза. Десять лет молчания — это расчёт.

Белорусский вокзал жил своей беспокойной жизнью. Люди тянули чемоданы, торговцы предлагали газеты и пирожки, из громкоговорителей с металлическим эхом объявляли поезда. Лида заперла машину и повернулась к Льву.

— В квитанции указан номер. Что там?

— Я не знаю.

— Вы десять лет работали рядом с отцом и ничего не знаете?

— Я знал достаточно, чтобы бояться. Но недостаточно, чтобы понимать.

В камере хранения дежурила женщина с начёсом и цепким взглядом. Квитанцию рассмотрела, сравнила номер, нехотя ушла между рядами ячеек.

Вернулась с небольшим алюминиевым чемоданом.

— Распишитесь.

Лида поставила подпись «Л. Волкова» и на секунду почувствовала нелепость происходящего: мёртвая Арсеньева получает багаж по подписи живой Волковой.

Замок на чемодане был кодовым.

— День рождения, — сказал Лев.

Код 2605 подошёл.

Внутри лежали три папки, аудиокассета, пачка фотографий и конверт с надписью отцовским почерком: «Лиде. Если я не успею».

Она вскрыла конверт.

«Ты имеешь право ненавидеть меня. Но сначала узнай всю правду. Компания, которую называют моей, была создана на деньги, не принадлежавшие ни мне, ни тем, кто теперь ею управляет. Твоя фирма в Праге тоже не случайность. Софья получила от меня первые двести восемьдесят тысяч долларов. Происхождение денег — в чёрной тетради. Не верь тому, кто скажет, что хочет вернуть тебе наследство. Чистого наследства нет».

Лида перечитала последнюю фразу.

— Он финансировал «Велу»?

Лев опустил голову.

Все эти годы она считала, что создала компанию с нуля. Начала с одного стола в конторе Софьи, сама принимала звонки, ночами составляла маршруты, договаривалась с таможенными брокерами, убеждала банки дать кредит. Всё это было правдой. И всё же в основании её успеха лежали деньги отца.

Возможно, грязные.

— Софья знала, — сказала она.

— Наверное.

В пачке фотографий были люди у ресторанов, складов, загородных домов. На обороте — даты и фамилии. Олег Крестов встречался с банкирами, чиновниками, криминальными авторитетами, некоторым из которых Лида помнила по газетам.

На последнем снимке стоял сам Виктор Арсеньев. Рядом — Крестов и Софья Марек.

Дата: 2 марта 2004 года. Прага.

Три недели спустя отца объявили умершим под Звенигородом.

— Он был у меня в городе, — прошептала Лида. — В двух кварталах от офиса.

Лев не успел ответить.

Из прохода между ячейками вышел мужчина в серой куртке. Второй появился у двери.

— Лидия Викторовна, — сказал первый. — Олег Андреевич просил передать чемодан. Вам он всё равно не поможет.

Лида закрыла крышку и защёлкнула замки.

— Передайте Олегу Андреевичу, что имущество покойницы наследуется только после решения суда.

Мужчина улыбнулся.

— Вы всё ещё думаете, что речь идёт об имуществе?

Лев сделал шаг вперёд, заслоняя её.

И тут за спиной мужчин раздался голос Воронова:

— Нет. Она уже поняла, что речь идёт о живых. Поэтому давайте сегодня обойдёмся без героизма.

Он стоял у входа вместе с двумя сотрудниками транспортной милиции.

Люди Крестова не спорили. Уходя, первый наклонился к Лиде.

— Чемодан ваш. До завтра.

— А завтра?

— Завтра вы сами его отдадите.

Глава 4. Чужая подпись

Воронов снял для Лиды номер в небольшой гостинице на Сретенке, записав её как свою родственницу из Твери. Она не стала спрашивать, почему администратор поверила. В двухтысячных Москва уже привыкла верить тому, кто платит наличными и не задаёт лишних вопросов.

Чемодан поставили на стол. Лев закрыл дверь на цепочку, проверил окно и только после этого достал из сумки кассетный магнитофон.

— Виктор Сергеевич велел хранить, — объяснил он. — Думал, не пригодится.

— В нашей семье всё, что «не пригодится», почему-то переживает людей, — сказала Лида.

На кассете сначала был шум. Потом голос отца — старше и тише, чем она помнила.

«Запись сделана шестого апреля две тысячи четвёртого года. Если её слушает Лида, значит, я либо мёртв, либо не смог добраться до неё первым».

Лида сидела неподвижно.

«В девяносто втором я участвовал в создании внешнеторговой компании „Северная линия“. Мы вывозили металл, ввозили оборудование, получали контракты через связи, оставшиеся от прежней службы. Первые два года всё было законно настолько, насколько вообще могло быть законным дело в стране без работающих правил. Потом пришёл Олег Крестов. Я знал его ещё переводчиком в Вене. Умный, терпеливый, незаметный. Он предложил защиту и капитал. Я согласился, хотя понимал, чьи это деньги».

Запись прерывалась долгим шорохом.

«Я думал, что использую их. Они думали, что используют меня. Правы оказались они».

Дальше отец рассказал о давлении, угрозах и поддельных документах. Не оправдывался. Именно это ранило сильнее всего. Он говорил о своих ошибках как дипломат о провалившихся переговорах: точно, сухо, не позволяя голосу дрогнуть.

«Крестов не просто забрал компанию. Он связал российские активы с „Велой“. Первоначальный капитал Софье передал я. Но дальнейший рост — твоя заслуга. Теперь это не имеет значения. В две тысячи первом году от твоего имени подписали поручительство по кредиту „Северной линии“. Если Крестов предъявит его европейскому банку, „Вела“ перейдёт к нему за долги, которых ты не брала».

Лида встала так резко, что стул ударился о стену.

— У нас кредитная линия в «Богемия-Кредит», — сказала она. — Неделию назад банк запросил внеплановый аудит.

Воронов выключил магнитофон.

— Значит, они уже предъявили документы.

Она набрала финансового директора. Телефон был выключен. Позвонила секретарю — не ответил. Наконец дозвонилась до юриста компании.

— Павел, что происходит?

— Лидия Викторовна... Я как раз собирался звонить.

— Говорите.

— Банк заморозил операционные счета до выяснения. Появилось поручительство на восемь миллионов евро. С вашей подписью и печатью.

— Печать сменилась два года назад.

— На документе старая.

— Поручительство датировано две тысячи первым?

На другом конце повисла пауза.

— Откуда вы знаете?

— Потому что человек, которого похоронили три недели назад, предупредил меня сегодня.

Юрист шумно выдохнул.

— Совет директоров собирается утром. Софья требует временно отстранить вас от управления, пока не будет ясности.

Лида закрыла глаза.

— Передайте Софье: если она проведёт заседание без меня, я оспорю каждое решение.

— Она говорит, вы задержаны в России.

— Я не задержана.

— Но вернуться не можете?

— Вернусь, когда закончу.

Она отключилась.

Лев смотрел на неё с жалостью.

— Не надо, — сказала Лида. — Если начнёте меня жалеть, я выставлю вас в коридор.

— Ты вся в отца.

— Это сейчас звучит как оскорбление.

В одной из папок нашлись копии учредительных документов «Северной линии». На ранних бумагах доля Виктора Арсеньева составляла сорок процентов. В 1998 году появилась подпись Лиды под договором дарения, по которому она якобы приняла отцовские акции. После её официальной «смерти» Виктор как единственный наследник передал пакет трасту, а тот вскоре продал его Олегу Крестову за сумму, равную стоимости двух московских квартир.

Подпись была похожа.

Слишком похожа.

— Я так расписывалась в восемнадцать, — сказала она. — Потом изменила подпись.

Воронов взял документ за края.

— У кого были образцы?

Лида вспомнила первые бумаги «Велы», доверенности, банковские карточки. Всё оформляла Софья.

— У человека, который спас мне жизнь.

— Иногда это самая дорогая услуга, — сказал Максим.

В дверь постучали.

Все трое замолчали.

— Обслуживание номеров, — произнёс женский голос.

Они ничего не заказывали.

Воронов подошёл к двери, не снимая цепочки. В коридоре стояла молодая горничная с подносом. На подносе — бутылка шампанского и три бокала.

— От кого? — спросил Максим.

— В записке.

Он взял конверт. Внутри была карточка без подписи:

«Добро пожаловать домой, Лидия Викторовна. Соболезную по поводу смерти вашего отца. И вашей собственной».

Внизу от руки добавлено:

«Завтра в полдень. Ресторан „Гранд“. Приходите одна, если хотите сохранить „Велу“».

Глава 5. Олег Крестов

В ресторане «Гранд» было слишком много золота и слишком мало посетителей. Лида пришла за десять минут до назначенного времени, выбрала столик у окна и сразу заметила двух мужчин у бара. Охрана. Её не прятали — наоборот, хотели, чтобы она чувствовала масштаб чужого контроля.

Олег Крестов появился ровно в полдень.

Он оказался не таким, каким Лида его представляла. Невысокий, седой, с мягкими манерами университетского профессора. Костюм сидел безупречно. На лацкане — маленький значок благотворительного фонда. Человек, мимо которого легко пройти на улице и через минуту забыть лицо.

— Вы похожи на Марину, — сказал он, садясь напротив.

— Вы знали мою мать?

— Достаточно хорошо, чтобы понимать, почему Виктор никогда её не забыл.

Официант налил воду. Крестов заказал чай, Лида отказалась от всего.

— Вы хотели обсудить мою компанию.

— Вашу? — Он улыбнулся. — Уже смело.

— Поручительство поддельное.

— Это установит суд.

— Установит.

— Лет через пять. Банку понадобится меньше недели, чтобы отстранить вас от счетов. Через месяц клиенты уйдут. Через три — «Вела» будет стоить ровно столько, сколько я предложу.

— Чего вы хотите?

— Чемодан. Все копии. Письмо Виктора. Взамен российская сторона отзывает требования, а вы возвращаетесь в Прагу и продолжаете жить как раньше.

— Как раньше уже не получится.

— Получится. Люди удивительно быстро привыкают к удобной лжи.

Он развернул чайную ложку параллельно краю блюда. Движение было точным и спокойным.

— Мой отец жив? — спросила Лида.

Крестов поднял глаза.

— Почему вы решили?

— Закрытый гроб. Несовпадение дат. Запись, сделанная незадолго до смерти. Человек, который слишком многое предусмотрел.

— Ваш отец всегда переоценивал способность управлять финалом.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

Лида достала фотографию, где Крестов, Арсеньев и Софья стояли у пражского ресторана.

— Что вы делали в Праге второго марта?

Крестов взглянул мельком.

— Ужинал.

— С моим отцом.

— Он хотел вас увидеть.

— Почему не увидел?

— Потому что испугался.

— Вас?

— Вас.

Эта фраза попала точнее угрозы.

— Виктор Сергеевич понимал, что вы захотите вернуть всё, — продолжил Крестов. — А возвращать нечего. «Северная линия» давно не компания, а узел обязательств. Потянете одну нить — без работы останутся тысячи людей. Банки рухнут, партнёры предъявят претензии. Вы представляете себя наследницей, но наследуете не дворец. Вы наследуете пожар.

— Тогда зачем вам чемодан?

На секунду его спокойствие дало трещину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.